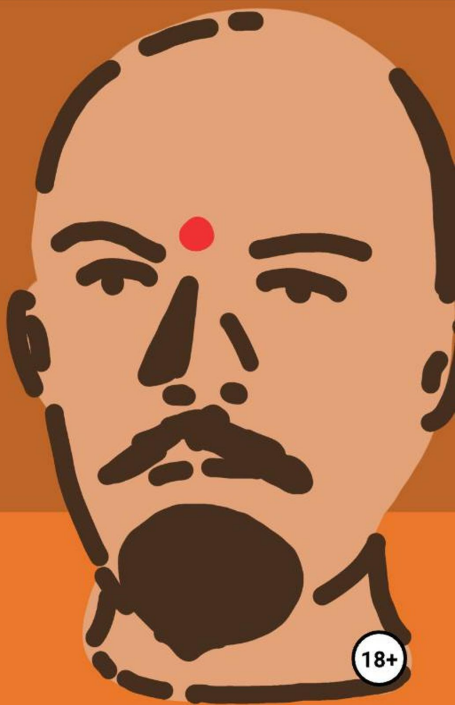

Инструкция по эксплуатации красно-жёлтого Парабрамана

Олексий Кайзер

Олексий Кайзер

**Инструкция по эксплуатации
красно-жёлтого Парабрамана**

<https://litres.ru/74324272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Съев пару сомнительных грибов, пролетарий-минчанин ищет Оранжевый в диалектическом синтезе красного и жёлтого, попутно строя вокруг себя мир, где политики действуют так, будто играют в стратегию, и нещадно изничтожая буржуев.

Содержание

Часть 1: Низвержение пламени	4
Глава 1: Гора рока	4
Глава 2: Дело номер 95	9
Глава 3: Письмо	14
Глава 4: Пристрастие с допросом	20
Глава 5: Гора Точал	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олексий Кайзер

Инструкция по эксплуатации красно- жёлтого Парабрамана

Часть 1: Низвержение пламени

Глава 1: Гора рока

В густых лесах Башкирии меж громадных скал под тысячами тонн грунта и камня лежит тайное, что явным никогда не станет. Гора, кажущаяся дремлющей, бурлит жизнью в своём пирогообразном основании. В подземных казематах. Тысячи людей в едином порыве куют оружие, могущее стать грозным кулаком пролетариата в буре классовой борьбы. В 1933-м году, когда в Веймарской Республике совершили переворот империалистические силы, открыто угрожающие существованию советского государства, в правлении появился план по стратегической обороне в случае войны по всем направлениям. Можно было произвести десятки тысяч танков и самолётов, построить сотни заводов и верфей,

но никакая привычная сила не смогла бы удержать вал совместного удара капиталистических стран. Необходимо было такое оружие, какое могло бы дать решающий стратегический перевес в балансе сил. Щит и меч в одном обличии, что грозил бы потенциалу вторжения одним своим существованием. Этим оружием стал атом. Решением Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии от 11 июля 1934 года был учреждён Секретный Комиссариат Внешних Дел, сокращённо – СКВД, которому были даны все необходимые ресурсы для создания ядерного оружия в течение пяти лет. Эмблемой структуры был избран чёрный круг на красном фоне, в центр которого были помещены серп и молот, обводила центр орбита электрона в виде растянутой от левого нижнего края к противоположному эллиптической линии. Под юрисдикцию комиссариата были переданы Куйбышевская и Оренбургская области, а также Татарская и Башкирская АССР. Официально данное территориальное образование именовалось как Уральская Коммуна и приобрело некую автономию. Столицей Коммуны стал город Куйбышев. Статус особых зон приобрели города: Казань, Оренбург и Уранград (бывшая Уфа). Под горой Ямантау был заложен первый в истории человечества ядерный исследовательский комплекс. Подвалы уходили вниз на 17 этажей, так как Октябрьская революция произошла в 1917 году. Тем не менее многие связывали это с тем, что товарищ Ежов подстрелил в день закладки 17 медведей, что было ошибочно,

так как семнадцатого приписали позже для красивого числа какие-то эсеры. Спецназ СКВД был расширен до полноценной армии, включающей две пехотных и одну танковую дивизию. Активно практиковались парашютные десанты, постепенно ставшие одной из главных военных мер, применяемых Комиссариатом. По этой причине к 1937 году все пехотные дивизии были переведены в парашютно-десантные, что немедленно вызвало повальную нехватку бутылочного стекла и поломку декоративных фонтанов. После чего Иосифу Виссарионовичу пришлось тут же издавать указ о меднении всех дверей на входах в казармы. Интересно, что советское руководство не выделяло особых средств конкретно для атомного проекта. Для него СКВД использовали свой золотой запас, происхождение которого было засекречено. Есть информация, что золото было доставлено из Синьцзяна в начале 1920-х, но этому нет подтверждений. Если следовать этой теории, то в 1922 году какой-то неизвестный комсомолец из Монголии при поддержке войск Неймана переправил конвой из телег с золотом через Кумул и Урумчи в Сталинабад, откуда его сначала собирались везти в Индию, но затем по неизвестной причине затопили в озере Иссык-Куль, откуда оно и было извлечено в 30-х. Вокруг вершины вздымался, словно поверхность щётки, рой хвойных растений конического устройства. Их чёрно-бурая кора своими неровностями и впадинами тоже напоминала горный хребет, где наверняка какой-нибудь короед думал о том, как эту кору

прогрызть, а муравей в ответ изобретал напалм, чтобы наглядно продемонстрировать тому важность сохранения целостности древесного покрова. Иглы на ветках расходились в разные стороны, вонзаясь в ветку с зацепом силы, сопоставимой с напором македонского легионера, загоняющего копьё в пах врагу. А корни в своём стремлении прорыться до Америки попадали в районы Патагонии, где проводили диверсии против немецких баз снабжения подлодок. Сам комплекс был монументален и угловат, выходя на поверхность лишь вентиляционными шахтами и сточными трубами. По всему периметру стояли таблички «ТРОЦКИСТАМ ВХОД РАЗРЕШЁН», отчего в радиусе десяти километров не появлялось ни души. За время строительства комплекса на территории произошла одна примечательная история. Для начала стоит рассмотреть детальнее близлежащую военную базу. В центре расположили здание генштаба, откуда иногда вышагивали люди с чемоданчиками, от которых расступались и прятались кто куда люди без чемоданчиков. Восточнее генштаба – казармы, половину площади коих заняла столовая со складом таких масштабов, что порой трудно было отличить снаряд от репы. С обратной же стороны расстилались в своём блеске танковые гаражи, прозванные стройбатовцами стальным плечом за непомерную трату железобетона на ихний фундамент. Именно с этим фундаментом и связана история. В то время в части служил один болгарин по имени Семён. Фамилия у него была дворянская, но он ни-

кому её не говорил, не потому что побаивался чекистов, а потому что род его был столь беден, что над ним смеялись даже крестьянки, но только те, что жили в районе Бургаса. Солдат этот до женщин был охот, и потому регулярно впутывался в не самые приятные для себя истории, часто совмещаемые с деструктивной деконструкцией смысла его внешнего устройства путём травматического изменения формы и цвета. Как-то раз так неудачно он рассказал удачный анекдот одной даме, что оказался в окружении группы лиц, желающих его собственной скорейшей утилизации. Не имея иных рациональных вариантов, а точнее, не придумав оные, он решился угнать танк Т-28, подвернувшийся под руку. Причём проехал на нём целых двадцать метров, пока его не настиг местный прапор. А он был человек такой, что лучше было на всякий случай при нём не помирать, вдруг расстроится. Этот прапор и был дедом одного новенького младшего офицера, которого вскоре должны были пригласить сюда.

Глава 2: Дело номер 95

«Ниже приведена биографическая сводка гражданина Родомирова Романа Терентьевича, основанная на его личном деле под номером 95 и ведённых им записях о несении службы», — архив СКВД, индекс 477011.

Р. Т. Родомиров N95

Дата и место рождения: 28.06.1914 гор. Минск

Зачислен в НКВД: 1936 г.

Примечания: биографический отчёт

Замечание N1:

Субъект встал около пяти часов утра и употребил спиртной напиток, классифицированный как шишечная водка, из стеклянного сосуда цилиндрического строения. Разбил сосуд о стену, бросив его под углом 70 градусов в северное окно, но промахнулся и попал в ставню, отчего форма сосуда была разрывным образом нарушена и деструктуризирована. Затем субъект бросил в то же направление ботинок шестого размера, демонтировав тем самым окно, после чего высунулся из образовавшегося нетехнического отверстия головой и выкрикнул прохожим пожилым женщинам несколько жаргонно-матерных фраз, включающих слова «мать», «бал» и «натурализм». Через четыре минуты и сорок семь секунд к окну подошёл боевой товарищ субъекта, по документам — Василий, и предложил продолжить распитие спиртного сов-

местно, у реки. По пути граждане пнули три камня и сломали семь веток, а также отобрали у местного пса половину кости, за что к ним применили рукоприкладство участковый и двое членов колхоза. Отрицательно наступая на установщиков правопорядка, они отправились к реке, где занялись заплывом на скорость. По дороге в них стреляли польские пограничники калибром 20 мм, но субъект с Василием отбились с помощью тактики подводной войны. Когда они пересекли границу, застали польскую заставу брошенной. По некоторым данным, её охрана ловила рыбу. На месте ими был найден разобранный лёгкий танк неизвестной модели. Взяв с собой понравившееся колесо, пара ушла вглубь границы и помогла группе полесских крестьян создать колхоз, нанеся травмы семи служащим польской жандармерии. И затем вернулись домой. Главмеханик-тракторист выписал им за колесо благодарность. Вероятность войны с Польшей была оценена дипломатической миссией как крайне высокая, но её удалось предотвратить, поскольку враг был занят подавлением восстания крестьян, вызванного дуэтом. Все восставшие были успешно переправлены в БССР.

Замечание N2:

Субъект, пройдя курс химических противобронхитных мер, отправился на вечернюю прогулку и увидел на стене агитационный плакат местного Дома Культуры, призывающий пролетариат заниматься творчеством во всех плоскостях и слоях мицелия. Это произвело серьёзный эффект на

субъекта. На следующее утро он начал творить, взяв в качестве холста стену у входа в местное отделение ВКП(б). Линия из правого нижнего угла, аналогичная ниже и левее, дуга, соединяющая их концы с левой верхней стороны, и два овальных замкнутых мазка. Приписка ко всей этой продолговатой фаллической фигуре была обозначена как «буржужам». Литовский посол, выходящий из здания, был поражён до глубины души сим искусством и предлагал субъекту переехать в Каунас для работы в художественной академии, но тот отказался, сославшись на здоровье.

Замечание N4:

Будучи демобилизованным из армии в 1936 году, субъект пришёл в главное отделение милиции Минска и попросился на работу в Народный Комиссариат Внутренних Дел. Получив отказ, он пешим ходом добрался до Москвы, по дороге разграбив цыганский табор, и пришёл с требованием о работе уже в главный штаб НКВД. Там у него потребовали рассказать подробности битвы в таборе, и он их выдал. Идя по дороге в двух верстах восточнее Смоленска со скоростью пять-шесть километров в час, субъект увидел на краю горизонта быстро приближающуюся толпу людей, обитых жёлтым металлом, создающих своими резкими движениями впечатление уворота от снарядов противника. Спрятавшись за придорожным камнем, гражданин стал наблюдать за тем, как табор проходит мимо, и дождался, пока они не встанут на привал. Ночью он, извалявшись в листьях и

нацепив на лоб монету номиналом 1 рубль, подошёл к цыганскому часовому, представившись бароном. Далее диалог с часовым, со слов Родомирова:

— Ты кцо?

— Барон.

— А где твоё баг'онство?

— Вокруг города Баг'ановичы.

— Дг'азнишься?

— Нетъ. Дай ключ.

— Какой?

— Тот, что у тебя на шее.

— А мне баба сказал, что ежели этот ключ с моей шеи отделится, то и шею мою он пополам г'азделит.

А субъект не растерялся и уклончиво ответил часовому брусом по темечку. И затем отнёс в штаб всё, что нашёл в обозе. После этого нам пришлось его принять.

Замечание N5:

После зачисления в НКВД занялся рейдами неблагонадёжных лиц. В том числе совершил взлом квартиры, служившей базой для фашистской ячейки. Предотвратив тем самым борьбу с тоталитаризмом, под которой члены ячейки подразумевали скручивание рельс на линии Москва-Ленинград. Поймав автора антисоветских листовок, заставил его переписывать свои же тексты от руки свиным жиром за то, что нашёл там слово «евонный».

Замечание N6:

Оптимизировал ликёро-водочный завод в селе Жодино путём сбора всех личных самогонных аппаратов и создания нового цеха. Некоторые граждане не захотели добровольно отдавать свои аппараты, поэтому пришлось их выкупить, что мгновенно создало микро-рынок. И Родомиров тут же его ликвидировал путём самораскулачивания через пожертвование всех купленных на собственные средства аппаратов заводу.

Замечание N7:

Когда цитрусоподобный круг в пространстве прошёл путь в девятнадцать циклов с момента рождения субъекта, его собственный относительный коэффициент влияния на «Жёлтый П.» увеличился в четыре раза. Условия исполнения протокола номер девять в отношении объектов Ш-5 приняли актуальную позицию. Рекомендовано осторожное исследование. Потенциал...

Перевод в СКВД: [одобрено]

Утверждено 25.09.1939 г.

И. В. СТАЛИН

Глава 3: Письмо

Последние лет двадцать выдались непростыми. Пакости белых, работа и продовольственный кризис. Пока вставал, так неудачно хрустнул шеей, что в глазах потемнело, да так потемнело, что в той темноте я разглядел прищуренный взгляд Ленина, а меж глаз – точка, такая красная, что фотоны и световые поля начинали колебаться с частотой Интернационала. Смекнув, что это явный знак к прекращению нытья, я тут же усилием воли заставил кровь прилить к черепной коробке и посмотрел наружу через дверь, или через окно, солнце слепило так, что однозначно можно было утверждать лишь наличие отверстия, через которое я и глядел на улицу. С улицы сочился запах берёзового сока и кончающегося отпуска. Будь проклят Рим и гадский Муссолини, и Эфиопия, и весь чёртов латинский мир за то, что придумали календари – противнейшие вестники апокалипсиса! И сегодня эта бумажка лишь расстраивала. Воскресенье – худший из дней. Ты ещё имеешь некое время жизни, но уже чувствуешь неотвратимость труда. А ведь уже часа через четыре надо будет идти на поезд до Москвы. И снова ещё больше бумаги. А мне, знаете ли, бумага мало интересна. Я пострелять хочу! Буржуев! И много! А им всё отчёты да рапорты подавай. Проскрипя половицами до погреба, достал холодного молока и, отпив из банки, помурчал на лампу. Таракан Колчак,

живший у меня за хлебницей, так и не научился приносить сухари по команде, так что меня весьма беспокоило, что он будет есть в моё отсутствие, а оно обещало быть долгим – по радио передавали, что фашисты таки догрызли поляков. Не то чтобы я питал к ним какую-то привязанность, но, позвольте, один пан из Кракова был мне должен сто грамм сорокаградусной! Хотя этот, я уверен, из Гданьска, который теперь опять Данциг, улизнуть сумел. Слишком уж он был хитрый. А вообще, доканоют они всех скоро с этими переименованиями. Вот какая разница немец или поляк? Одно слово – житель Прибалтийского моря. Проще надо быть. Чтобы и не обидеть никого, и всё понятно было. Например «Ленинград-на-Висле» или, если позволите, «Родомировград», хотя к товарищу Калинин «град» не добавили ради благозвучности, значит, и мне не надо. Будет просто «Родомиров». Пока думал над этим, что оказалось величайшей ошибкой, ударился о верхний косяк двери, вскоре нащупав затылком угол ступени. Тут меня спасло от героической гибели три обстоятельства. Первое – я имел привычку дома ходить в служебной фуражке, и вопреки мнению скептически настроенных соседей это оказалось не только эстетически прекрасно, но и весьма практично. Второе – будучи человеком недоверчивым, я сделал в фуражке прослойку из металла, который мне по старой дружбе подогнал знакомый сталелитейщик Василий Ильич. И третье – износ ступенек этой лестницы от выработки их ресурса через использование по назначению и

действий коварных грибков был столь велик, что от любого прикосновения они рассыпались в прах, что и произошло при моём падении...

Записи гражданина Родомирова на сим обрываются вложенной страницей из дневника учёного Трофима Денисовича Гольдмана:

В этот день в Иркутске было довольно прохладно и свежо на улице, так что я оставил вчерашние опыты с Солнцем и сконцентрировался на разборе документальных источников, которые могли бы мне помочь. Рассматривая бумаги, я налил себе чая и сделал бутерброд с сыром. Бугристая поверхность хлеба переходила в желтовато-белый пласт с дырками от воздушных пузырей, прерываясь слегка подтекающим слоем масла. Вообще, я давно подумываю обратиться с заявлением к нашим главнейшим гастрономам. Ведь дырки в сыре – это самый настоящий буржуазный пережиток. Чистой воды экономия на объёме товара. В восемь часов и четырнадцать минут по московскому часовому поясу мною были зафиксированы поражающие изменения в приборах. Всего на несколько секунд активность Ш-5 в районе Европы выросла на 60%! Это был прецедент невиданных масштабов. Я сразу же позвонил товарищу С. Он в свою очередь обещал обеспечить...

Этот лист, слегка пожелтевший, отмечен красными чернилами двумя точками. Далее продолжают записи Родомирова.

Пролежав некоторое время в том же положении, я повертел головой, освобождая её от остатков досок, и поднялся. Суровый сталинский пол лоснился по поверхности своими широкими досками. Шагнув на него, можно было рассмотреть, что Колчак залез в хлебницу, что меня крайне взвинтило и раздосадовало. «Ну хоть не подохнет без меня...» — мыслил я, когда в дверь постучали. По привычке я послал стучащего в лагерь, но он ответил, что как раз: «Почти за этим и идёт». Я подошёл к двери и со второй попытки открыл её, за ней стоял какой-то НКВД-шник.

— Чего хотели?

— У меня приказ для вас, товарищ. — он достал из кармана письмо с гос. печатью.

Развернув его, написано там было следующее: «СОВСЕР: Лейтенанту ГБ Р. Т. Родомирову прибыть в течение недели в Казань для назначения нового задания. Л. БЕРИЯ». Я поморщился, предвидя расстояние до нового места:

— И что же это? Я теперь там жить буду?

— Не могу знать, товарищ лейтенант.

— Ладно. Завтра поеду.

— Не получится, товарищ лейтенант. У меня приказ лично прорегулировать ваше прибытие.

— Мда... И что, выдвигаться надо прямо сейчас? А если у меня родственники? — я перевёл взгляд на хлебницу.

— Так точно, товарищ Родомиров. Выдвигаться нужно прямо сейчас.

— Эх. Ладно уж, пойдём.

— А ваши вещи?

— Какие вещи?

— Ваша форма.

— Брюки у меня на заборе висят, не смущайся.

— Да если б я про брюки...

— Гм. И то верно.

Одевшись и собрав некие пожитки, что удалось найти, мы отправились на вокзал. По дороге пришлось отбиваться от местной козы Машки, не любившей всех новоприбывших до гроба, их гроба. Но в итоге, просидев на перроне пару часов, мы дождались нашего экспресса. Мой спутник передал контролёру какую-то записку, и тот пустил нас в служебное купе.

— А как вас, кстати, зовут? — я бережно укладывал на полку спичечный коробок с Колчаком, отмеряя ему зёрна.

— Сержант Йованич.

— Серб?

— И молот, а вообще — югослав.

— А как сюда попал?

— Когда ячейку КПЮ в Загребе, где я состоял, разгромили, приехал сюда, к тётке. Тут меня НКВД и заметили. Ну я и согласился. А почему спрашиваете, товарищ?

— Интересно же, с кем я через пол РСФСР еду. А про задание моё ничего не расскажешь?

— Было бы что рассказывать, товарищ лейтенант. Мне ничего не известно о вашем задании, так как оно не в моей

компетенции. Моя задача – доставить вас на место в целости.

— А зачем ко мне охрану приставлять? Я сам хоть кого.

— В этом, товарищ, сомневаться не приходится. Дело в том, что наверху знают о вашей манере исполнения. А в этой ситуации им необходимо, чтобы всё было в наилучшем виде.

— Ага! Значит, вам всё же что-то известно о моём задании?

— Нет. Я сделал предположение. Вот посмотрите сейчас в окно.

Я взглянул сквозь раму на мелькающую полосу леса, убегающую вдаль.

— Иии?

— Вы видите зелёный?

— Да. И разных оттенков.

— И по нему вы можете предположить, что там деревья?

— Конечно.

— А за деревьями, как вы можете предположить, прячутся грибники?

— Разумеется.

— Вот и я о том же.

С этими словами Йованич развернул газету и стал пристально её читать, явно намекая, что разговор окончен. Уснул с мыслями о мотивах грибников.

Глава 4: Пристрастие с допросом

В Москве я постарался надолго не задерживаться. Был должен денег семи коллегам, и вообще надоела мне эта суэта, а потому и про пересадку на Казанский вокзал сказать нечего, кроме того, что буфетчица у них была замечательная во всех смыслах и со всех сторон женщина. Спустя несколько дней доехали до Казани. Город мне понравился. Особенно набережная. Правда, Йованич, сволочь такая, долго полюбоваться этим не дал. Меня привели в контору, где за таинственной железной дверью поджидал какой-то офицер контрразведки. По его погонам генерал-майора ГБ и тому, что в коридоре было всё начисто убрано, я понял, что дело обстоит серьёзное.

— Каково ваше текущее положение дел, товарищ лейтенант? — он открыл папку с надписью «Дело N95» и стал пробегаться по ней глазами.

— Радостное, товарищ майор. Отпуск кончился, думал — поеду на работу, а меня очень удачно сюда вызвали. А посему я очень рад вас видеть.

Он хмыкнул и что-то записал в книжечку.

— Труд не любите, товарищ Родомиров?

— Да нет, товарищ майор. Труд я люблю. Особенно, когда он для благой цели. Но всякий пролетарий скажет, что досуг с чисто человеческой точки зрения лучше труда. — майор

опять что-то записал.

— Это само собой разумеется. Учтём. Нет ли у вас жалоб о службе?

— Есть, товарищ майор. И немало. Начну с главного — моё личное оружие организовано непрактично.

— Объясните поподробнее.

— Мне по службе стрелять нужно в два раза больше, чем дают патронов. В итоге большую часть времени пистолет лежит в кобуре мёртвым грузом.

— Смерть — это скверно, особенно с грузом. А вы патроны экономно тратите?

— Естественно! Вот представьте себе ситуацию — прячется за углом диверсант. Стена деревянная, и тут я мог бы палить десятками выстрелов для пробития вражеского бронирования, но это транжирно, и я делаю хитрый манёвр по обходу противника с тыла, причём каждый раз по разным направлениям, чтобы мои перемещения не стали предсказуемыми. И уже с более выгодной позиции открываю прицельный огонь в двадцать восемь выстрелов.

— И часто у вас такое бывает?

— Каждое утро!

— Бардак.

— Думаете, диверсантов у нас уж больно много? Так я вам отвечу — это всё из-за погранцов. Они к нам всяких запускают.

— Нет. Бардак, что патронов вам выдают мало.

На столе майора стояли три телефона: чёрный, серый и красный. Он взял трубку со второго, пробормотал номер и сказал: «Алло! Приказ генерал-майора СКВД Щавина — увеличить поставки минскому отделу НКВД и милиции патронов в полтора раза, излишки возьмите у ЕАО.»

— Спасибо вам, товарищ...

— Это второстепенно. Скажите, товарищ Родомиров, какую форму имеет патрон?

Я достал из подсумка боеприпасы и стал разглядывать патрон.

— Такой фигуры я не знаю, но это цилиндр с сужением.

— Какова форма основания цилиндра?

— Ну, круг?

— Верно. А ещё круглую форму имеют человеческий глаз, Солнце и колесо Сансары. Понимаете?

— Нет.

— Я клоню к тому, что всё в нашем мире тождественно. Всё — часть единого. И единое это — П.

— П?

— П.

— Товарищ майор, я в завязке уже... неделю, ну, дней шесть, пять с половиной.

— А пинта пива тоже круглая, солдат.

— Вы по телефону назвались майором СКВД, вместо НКВД. Что это за проверка?

— Именно, товарищ Родомиров. Вы были выбраны, исхо-

дя из ваших особых качеств, для особой миссии.

«Только бы не гарнизон в заполярье, только бы не гарнизон в заполярье», — думал я.

— П — это Парабраман. Представьте себе банку с кильками.

— Представил.

— И вот скажите мне — килька наполняет банку или банка наполнена кильками?

— Точно сказать нельзя.

— Вот именно. Эта неопределённость — и есть Парабраман. Причём жёлтый. А теперь смотрите, какая магия — кильки распиханы в банки порознь, а что, если нам удастся открыть тайну их взаимного расположения? Что, если можно каждому раздать по кильке?

— А банка что?

— А из банки можно сделать меч, разящий всякого, кто желает это разрушить.

— Звучит неплохо.

— Теперь мы добавили к жёлтому Парабраману красный. Такова наша задача. Она трудна, а возможность её исполнения не гарантирована, но оно того стоит.

— А что Владимир Ильич думал о Парабрамане?

— Он не думал.

— Вообще?

— Лишь единожды. И именно после этого он понял две вещи. Что думать — величайшая ошибка и, что он — Па-

рабраман.

— А как же жить, если не думать?

— А вы, товарищ Родомиров, не думайте. Если много думать, то изменить ничего не получится. Надо размышлять, а главное — делать.

— А имеет ли значение пространство, где находится банка с кильками?

— Конечно! И огромное. Именно внешнее влияние определяет распределение килек внутри банки или банки с кильками внутри.

— И какое же пространство лучше — Рига или Комарово?

— Вот так и придумали национализм, товарищ. И Рига, и Комарово — одно пространство. Один Парабраман.

— И один Ленин?

— Неопытны вы, лейтенант. Всякому известно, что Лениных много, как грибов.

— И единственно настоящего тоже нет?

— Верно мыслите.

— А в чём смысл жизни?

— В построении коммунизма.

— И как же его построить?

— Найти жёлтый и смешать с красным.

— Тогда получается оранжевый.

— Оранжевый, как апельсин.

— И снова пришли к кругу...

— Потому что мы из него не выходили.

Вскоре майор закончил писать свой отчёт и дал мне папку, где было написано, что я теперь зачислен в какое-то СКВД. Мне выдали форму, похожую на мою старую, но темнее. Спросили, знаю ли я, что такое радиация. Я читал про какие-то опыты Кюри, так что заявил, что являюсь в этой области экспертом в общих чертах. Потом пошёл снова гулять по городу. И был удивлён, обнаружив, что город совсем не соответствует своим же описаниям, кои мне удавалось слышать. Люди были сконцентрированы исключительно у парков, где я, кстати, в одном ларьке нашёл чудеснейшие треугольные пирожки, от поедания которых заговорил по-татарски. В промышленном же районе было тихо, как в пустыне. К вечеру Йованичу удалось меня найти при покупке грузинского вина. Узнав от него, что это бодяга из Ставрополя, я был огорчён. Он выдал мне документы СКВД-шника, и мы долго ехали до аэродрома. А через пару минут рывковой тряски уже летели, как мне сказали, в Ашхабад.

Глава 5: Гора Точал

В Ашхабаде нас угостили рахат-лукумом и познакомили с ВДВ-шниками. Они оказались ребята хорошие, хоть и малость недалёкие – подумали, что я еврей. На авиабазе было шумно – всюду кряхтели пропеллеры и сновали грузчики. Новый песок не успевал застилать полосу из-за постоянного потока ветра от садящихся и улетающих транспортников. Белые полосы разметки ползли по ВПП, уходя за горизонт и сливаясь с Солнцем. К казармам кучками шли солдаты, переговариваясь о жёлтом, но не Парабрамане. Ко мне подошло трое десантников. Самый крупный, чуть наклонившись, стал говорить: «Ты с какого города будешь, фраер?» и тут я собирался к этим гражданам применить высшую меру через ручное пользование приклада по височной доле черепа, но, увы, Йованич не дал, а вместо того записал всех троих в штурмовики. Причём, как назло, всех троих в моё отделение. Того, что говорил, звали Каширов по прозвищу Глыба, за то, что его в первый день службы козёл сбил. На нём – ни царапины, а козёл – в хлам. Второй тоже Каширов – двоюродный брат Глыбы, но все звали его Семён – он как-то раз со склада танк угнал, после чего их прапор так страшно орал «СЕМЁЁЁН!!!», что вся рота запомнила на остаток жизни. Третий был по паспорту Кефиоров, и запомнился мне лишь тем, что был нем, общаясь исключительно морзянкой через

стук зубов. А замыкал эту команду мечты Йованич, назначенный пулемётчиком. Почему его опять приставили ко мне, он так и не объяснил, но я списал это на неблагоприятный Браман. Укомплектовав вверенный мне отряд, я направился в генштаб, оставив Йованича за главного. Там меня встретил комбат, пояснивший, что наша операция здесь будет состоять в нейтрализации Шахского Ирана – СКВД перехватили радиопереговоры между Берлином и Тегераном, где обсуждалось вступление персов в Ось, чего мы, конечно, допустить не могли. Однако вместо полномасштабного вторжения с привлечением основных сил РККА наши разработали план по воздушному десанту в ключевые точки страны. 1-я дивизия СКВД должна будет десантироваться на юге и побережье, захватив порты и нефтяные месторождения, 2-я – на северо-западе, заняв иранскую часть Курдистана и Азербайджана. Ну а 3-я, в коей был и я, получила задание на десант в Тегеран и Исфахан. Конкретно моему отряду дали задание захватить господствующую высоту севернее Тегерана – гору Точал. Написав в рапорте «Расстрелять», я сразу побежал к самолёту. Транспортник нам выдали прелестный. Зелёный, как крокодил, пулемёты, блестящие на солнце, и рубка, в которую эти враги народа меня не пустили. Третья ТБ-шка грациозно стояла на бетонном покрытии, вдавливая его в землю своим шармом и монструозностью. Час спустя, после заправки и делания пайка, мы погрузились внутрь и стали ждать команды сброса. Кроме нас, тут было ещё штук двадцать от-

рядов разного размера, и в итоге самолёт летел набитый под завязку, как банка с рижскими кильками. В круглое окошко иллюминатора можно было увидеть, как под нами пролетали горы, реки и леса, но когда мы стали пролетать над Каспийским морем, стало совсем нудно и невесело – сплошная синяя дымка со всех сторон горизонта. Я потому во флот и не пошёл – замучаешься, пока врага в этой воде найдёшь. Главная беда заключалась в том, что пилот неверно понял приказ командования и дал команду на прыжок, когда мы были южнее шахской столицы, а не севернее, отчего мы приземлились совсем не в том месте, где планировалось. Прыгать с парашютом мне понравилось, но не понравилось, что на небо залезать долго. Уже в процессе спуска, поняв, что выбросили нас где-то не там, я стал орать на кабину разные проклятья, но из-за шума двигателей вероятность того, что меня услышали, крайне мала. На этапе столкновения с землёй Кефилов запутался в стропах, и нам пришлось полчасика его вытаскивать, отчего к нам уже успели подойти шахские конные разведчики, но Йованичу удалось отпугнуть их пулемётной очередью. В городе шли напряжённые бои – наши коллеги захватывали дворец, причём на местном рынке жизнь ничуть не изменилась. Разве что цены взлетели, но винограда мы всё же поели. Самое неловкое было – проходить мимо наших, среди которых уже разлетелась новость о нашем невезении. Я б выкопал бункер прямо тут и посадил туда этих недолётчиков без пищи, воды и, желательно,

без воздуха. Причём, пока я об этом размышлял, эти кретины умудрились продать Глыбе мармелад с огромной наценкой, и тут же сбежали. Братьям Кашировым я приказал во что бы то ни стало найти этих торгашей, так как бюджет у нас был общий, Кефинова послал вперёд, на разведку, а Юванич с пулемётом под моим прикрытием продолжил движение на север. Некоторое время спустя Кефинов перестал отчитываться криком, что первым заметил пулемётчик. Мы сразу побежали вперёд и увидели, что Кефинов находится в окружении персов с серпами, но, увы, без молотков. Причём одно из сельскохозяйственных орудий было приставлено к самому горлу нашего боевого товарища, что было особенно пакостно. Я было попытался кинуть пистолет прямо в глаз грозящему, но тот прищурился и заговорил по-русски:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.